

КОММУНИКАТИВНАЯ ИНИЦИАТИВА В ДИСКУРСЕ ЧЕЛОВЕКА ЛЮБЯЩЕГО

Феномен любви на протяжении многих веков и по сей день вызывает большой интерес в философии и психологии, в которых любовь определяется как вершина человеческих отношений – внутренняя связь, эмоция, которую любящий испытывает по отношению к любимому.

В лингвистике любовь исследуется как концепт [1], как значение говорящего [2, 3], как фрейм [4]. Р. Барт впервые исследует любовную речь, трактуя ее как декламацию свершившегося факта – любовного события [5].

Целью данной статьи является исследование дискурса человека любящего с точки зрения ситуационной семантики. Анализу подвергается ситуация признания в любви в момент ее зарождения и первоначального дискурсивного оформления. В теоретическом отношении мы опираемся на понятие экзистенциальной ситуации, разрабатываемое в философии и психологии. Ведущим теоретиком в этой области считают К. Ясперса, отдающего приоритет ситуации, в которой находится отдельный человек, над обобщенной социальной ситуацией. «В конечном итоге в определенной ситуации находится отдельный человек. Перемещая ее, мы мыслим ситуацию групп, государств, человечества, институтов, таких как церковь, университет, театр; объективных образований – науки, философии, поэзии» [6. С. 28].

Важность социальной ситуации не отрицается и не отрицается: она рассматривается как необходимый фон, на котором человек утверждает себя в «его» ситуации. «Объективное целое, представляется ли оно отчетливо конструированным или смутным в своей неопределенности становящимся, составляет тот фон, на котором я утверждаюсь в моей ситуации, в ее необходимости, особенности и изменчивости. Мое место как бы определено координатами» [6. С. 31]. Экзистенциальная ситуация определяется Ясперсом как «исконный способ бытия с другим», «фактическое существование, все те обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек». Ситуация характеризуется «присутствием»: «абсолютной историчностью встречающихся, глубиной их соприкосновения» [6. С. 30]. В ситуации есть действительно существующий человек, перед которым стоит когнитивная обязанность уяснения своей ситуации с целью постижения собственного становления в ней. Ситуация, ставшая осознанной, вызывает человека к определенному поведению и определенному дискурсу. К какому же дискурсу вызывает человека осознание им своей любви?

Рассмотрим пример первой встречи между любящим и любимой. Мужчина приходит на выставку картин художницы, в которую он влюблен. Между тем, они еще не знакомы, вернее, мужчина знает ее, а она его нет. Он также знает, что любит ее; и на эту выставку он пришел с заранее подготовленным следующим дискурсом:

Diane was signing an autograph when a man came up behind her and said, "I like your curves."

Diane stiffened. Furious, she spun around and opened her mouth to make a sharp retort, when he went on:

"They have the delicacy of a Rosetti or a Manet." He was studying one of the paintings on the wall (Sidney Sheldon "Are you afraid of the dark?").

Знакомясь, мужчина проявляет коммуникативную и дискурсивную инициативу, используя двусмысленное высказывание (*I like your curves*). Девушка воспринимает слова мужчины (мне нравятся ваши формы) в буквальном, сексуальном смысле, что приводит ее в ярость, однако он немедленно поясняет, что произнесенное относится к формам и линиям ее картин, напоминая, по его мнению, стиль Розетти и Мане. Можно было бы сказать, что мужчина, только что нарушив стандартный когнитивный сценарий поведения на выставке, тут же вернулся к нему, однако это не совсем так. Своим необычным дискурсом он как бы вырывает женщину из стандартного сценария, порождая необычную, новую ситуацию. Он высказывает чрезвычайно высокую ценностную оценку ее картин – сравнивает их с полотнами всемирно известных живо-

* © Е.И. Матвеева, Иркутский государственный лингвистический университет, 2006.

писцев. Это привлекает ее внимание – как профессионал она не может игнорировать обращенный к ней оценочный дискурс. Одновременно она обращает внимание и на самого говорящего:

Diane caught herself just in time. “Oh.” She took a closer look at the man. He appeared to be in his mid-thirties. He was about six feet tall, with an athletic build, blond hair, and bright blue eyes. He was dressed in a soft tan suit, a white shirt, and a brown tie.

“I – thank you.”

“When did you begin painting?”

“When I was a child. My mother was a painter.”

He smiled. “My mother was a cook, but I can’t cook. I know your name. I’m Richard Stevens.”

Мы видим, как развивается ситуация общения, необычная для когнитивного сценария выставки: два человека начинают воспринимать друг друга, наблюдать друг за другом. Повернувшись, девушка вместо слов возмущения неожиданно для себя произносит слова благодарности (I – thank you) и начинает внимательно рассматривать его (She took a closer look at the man). Происходит изменение порядка дискурса – от институционального: «художник – клиент» к частному: «мужчина – женщина».

По мнению психологов, любви зачастую сопутствует завораживание – это некий магический момент, явление, вспыльвающее из бессознательного и в принудительном порядке навязывающее себя сознанию [7]. Женщина в данном случае явно заморожена необычностью поведения мужчины и его внешним видом, поскольку она не только не пресекает его инициативу, но и поддерживает ее, вступая с ним в разговор на личные темы (о детстве, о матери каждого из них, о профессиях матерей).

Мужчина настойчиво продолжает демонстрировать то, что он считает женщиной великой художницей; оказывается, он только что приобрел три ее картины, а дома у него есть еще две:

At that moment, Paul Deacon approached with three packages. “Here’re your paintings, Mr. Stevens. Enjoy them.” He handed them to Richard Stevens and walked away.

Diane looked at him in surprise. “You bought three of my paintings?”

“I have two more in my apartment.”

“I’m – I’m flattered.”

“I appreciate talent.”

“Thank you.”

Пока что, несмотря на его некоторую необычность, дискурс мужчины не выходит окончательно за рамки институционального сценария: он находится как бы на его границах, является маргинальным, но все же дискурсом посетителя выставки, восхищающегося талантом художницы. И вот мужчина решительно пересекает эти границы: он назначает женщине свидание, приглашает ее на концерт. Тем самым происходит окончательная замена сценария: женщине предлагается участие в определенном личностном сценарии данного мужчины. С подобными сценариями она хорошо знакома, не случайно, что она тут же смотрит на его левую руку, на которой носят обручальное кольцо:

He hesitated. “Well, you’re probably busy, so I’ll run –”

Diane heard herself saying “No. I’m fine.”

His smile widened. “Good. You could do me a big favor, Miss West.”

Diane looked at his left hand. He was not wearing a wedding band. “Yes?”

“I happen to have two tickets for the opening of revival of Noei Coward’s Blithe Spirit tomorrow night and I have no one to go with. If you’re free – ?”

Diane studied him a moment. He seemed nice and very attractive but after all, he was a total stranger. Too dangerous. Much too dangerous. And she heard herself say, “I would love to go.”

Перед нами момент осознания женщиной того, что она находится в преддверии новой ситуации и что сейчас ей предстоит, возвращаясь к словам Ясперса, либо утвердиться в этой ситуации, заняв свое место в ее системе координат, либо отвергнуть эту ситуацию, остановив ее на начальной точке и прекратив ее дальнейшее развитие. В когнитивном отношении это непростой момент, поскольку женщине, как и любому человеку, принадлежащему к данной культуре, известны многочисленные сценарии, которые в принципе могут последовать за данной начальной стадией, в том числе и неблагоприятные сценарии. В приведенном диалоге говорит по большей части мужчина; высказывания женщины остаются на уровне внутренней речи, и в них выражаются ее опасения по поводу его возможного дальнейшего поведения (Too dangerous. Much too dangerous). В этот решающий момент женщине не хватает знания о данном мужчине (he was a total stranger), а поскольку он, как выясняется, уже какое-то время изучал ее жизнь, то в когнитивном плане они оказываются неравноценными собеседниками. И все же, вопреки опасениям, она неожиданно для самой себя соглашается на встречу с ним (And she heard herself say, “I would love to go.”). Это означает, что данная ситуация когнитивно интегрируется ею на уровне бессознательного как благоприятная для нее, а посему допустимая.

Мужчина проявляет дальнейшую коммуникативную инициативу и приглашает женщину в ресторан. Он продолжает активно конструировать ситуацию, а женщина, в свою очередь, продолжает внимательно наблюдать за ним:

After dinner, Richard took Diane home. At her door, he took her hand and said, "I enjoyed the evening. Thank you."

And he was gone.

Diane stood there, watching him walk away. I'm glad he's a gentleman and not a wolf. I'm really glad. Damn!

В когнитивных терминах мужчин ведет себя в соответствии со сценарием «Любовь», а не в соответствии, скажем, с близким ему сценарием «Секс». Это и фиксирует в своем внутреннем дискурсе наблюдающая за ним женщина (I'm glad he's a gentleman and not a wolf. I'm really glad. Damn!) Дальнейшее подтверждение того, что она находится именно в ситуации признания в любви с его стороны, а не в какой-либо иной ситуации, женщина получает, когда он приглашает ее к себе на работу:

On Friday evening, Richard said, "I coach a Little League team on Saturdays. Would you like to come along and watch?"

Diane nodded. "I'd love too, Coach."

The following morning Diane watched Richard working with the eager young ballplayers. He was gentle and caring and patient, screaming with joy when ten-year-old Tim Holm caught a fly ball, and it was obvious that they adored him.

Diane thought, I'm falling in love. I'm falling in love.

То, что мужчина вводит женщину в свою жизнь, дает ей полное знание о себе, можно считать объективным когнитивным признаком его любви к ней.

Именно так характеризуют любовь психологи; в частности, Э. Фромм считает, что активная заинтересованность в жизни другого человека и предоставление ему информации о себе составляют саму суть любви [8]. Мы наблюдали проявление данного состояния у мужчины, который принял роль любящего первым и, инициировав знакомство, дал импульс развитию ситуации признания в любви. Вторая участница ситуации – женщина – тоже постепенно принимает роль любящей, и мы можем наблюдать динамику развития ее отношения: она проявляет интерес к данному мужчине и к его жизни. Таким образом, пропозиция <I love you> уже «витает» в ее сознании, постепенно всплывая на поверхность. Она находит свое выражение в метафоре (saw the same warm glow), из которой следует, что чувства уже воспринимаются как взаимные. В процессе наблюдения за мужчиной во время его работы женщина видит в нем новые положительные качества (He was gentle and caring and patient), а также отношение к нему других людей, в данном случае детей (and it was obvious that they adored him). Поведение мужчины возводится ею к концепту «Доброта», входящему в когнитивную базу коммуникативного пространства дискурса, в котором находится реализуемая им ситуация признания в любви. Мужчина начинает представлять ценность для женщины: он добр, терпим, его любят дети, и она принимает это. В философии отмечается, что любовь – это ценностный ответ на взаимодействие с любимым, он возникает при наличии ценностей определенного рода, которые придают блеск всему человеку, эти ценности совершенно особым образом воплощены в данном человеке [9. С. 153]. В ценностном ответе на уровне внутренней речи женщины возникает пропозиция <I love you>, выражающая не просто какое-то одномоментное состояние, а процесс, развивающуюся ситуацию (I'm falling in love. I'm falling in love).

Мужчина продолжает инициативно развивать ситуацию признания в любви и приглашает женщину на пикник тет-а-тет:

Richard was watching her. "Are you all right?"

All right? I've never been so happy. "Yes, Richard."

<...> While they ate, there was so much to talk about, and every word seemed to bring them closer. There was a strong sexual tension building up between them, and they could both feel it. And in the middle of this perfect afternoon it began to rain. In a matter of minutes, they were soaked.

Мы называем анализируемую в ее развитии ситуацию ситуацией признания в любви, хотя мужчина пока не произнес ни слова о любви, а слова женщины произносятся на уровне внутренней речи. Однако несомненно, что перед нами ситуация признания в любви и что она была инициирована мужчиной именно как таковая. Внутренняя речь женщины является ответом на его не высказанное прямо, оставшееся также на уровне внутренней речи признание «I love you». Ситуация признания в любви, теперь уже взаимного признания, развивается путем интенсивной коммуникации, в процессе которой любящие все больше узнают друг друга. Им хочется разговаривать, сообщать информацию о себе друг другу, и общение все больше сближает их (there was so much to talk about, and every word seemed to bring them closer).

Находясь рядом с ним, она мысленно называет себя счастливым человеком (All right? I've never been so happy). На данном этапе развития ситуации возникает взаимное желание интимной близости (There was a strong sexual tension building up between them). И в этот момент женщина, уже как человек любящий, берет коммуникативную инициативу в свои руки:

Diane said, "Your place or mine?"

And Richard suddenly became very still. "Diane, are you sure? I'm asking because... this isn't just a one night stand."

Diane said quietly, "I know."

They spent the rest of the afternoon, and most of the night, talking and making love, and they opened their hearts to each other, and it was wonderful beyond words. In the morning, while Diane was making their breakfast, Richard asked, "Will you marry me, Diane?"

Предложение вступить в брак служит неким завершением ситуации первичного признания в любви и возможным переходом ее в новую ситуацию – ситуацию любви и продолжающегося признания в ней в рамках института семьи и брака. Имплицированная реализация пропозиции <I love you> находит свое выражение в вопросе любящего к любимой (Will you marry me, Diane?), который является косвенным декларативом, с помощью которого констатируется новое положение вещей в мире – возникновением в нем новой любящей пары.

Таким образом, проанализированный пример дает нам возможность проследить развитие ситуации признания в любви от ее инициации до завершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачев. – Волгоград, 2003.
2. Кульгавова, Л.В. Опыт анализа значений говорящего (на материале абстрактного имени love в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.В. Кульгавова; ИГПИИЯ. – Иркутск, 1995.
3. Борисова И.В. Семантика эгоцентрических категорий: Liebe, Hass и их актуализация в немецком языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.В. Борисова. – Абакан, 2003.
4. Фофин, А.И. Репрезентация фрейма «любовь» во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / А.И. Фофин; ИГЛУ. – Иркутск, 2004.
5. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт – М., 1999.
6. Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс. – СПб., 2007.
7. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 2003.
8. Фромм Э. Душа человека. Сб.: Пер. с англ. / Э. Фромм. – М., 2004.
9. Гильдебранд Д. фон. Избранные философские работы / Д. фон Гильдебранд. – СПб., 2004.

А.В. Немировская *

МЕТАФОРА В ТУРЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

В настоящей работе мы анализируем приемы перевода метафорических единиц, наиболее приемлемые в языковой паре турецкий – русский языки, и предлагаем алгоритм перевода метафорической единицы, учитывая разнообразие типов метафоры, функционирующих в турецком художественном тексте. Без сомнения, перевод художественных текстов самый трудный и своеобразный из всех типов перевода, так как именно в художественных текстах во всем спектре представлены выразительные средства языка: метафоры, сравнения, аллегории и т. д. Речь художественной литературы отличается особенной образностью и экспрессивностью. При переводе художественного текста переводчик сталкивается с необходимостью воссоздать средствами другого языка единство содержания и формы подлинника. Нельзя не согласиться с утверждением А.В. Федорова о том, что целью художественного перевода является полноценный, или адекватный, перевод, то есть исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему [3, С. 125-126.]. Перевод художественный текст, необходимо передать все виды информации, содержащиеся в нем: семантическую информацию, ситуационную и информацию о структуре текста. Так, при переводе должно быть сохранено не только содержание произведения, но и стиль автора, жанровый характер произведения, средства художественного выражения.

Адекватный перевод образов одного языка на другой – задача непростая, требующая знания культуры народа и владения приемами перевода. При переводе художественных произведений, в которых представлено все многообразие метафорической речи, переводчик каждый раз будет сталкиваться с переводческой трудностью, поскольку в метафоре заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета. Авторская метафора – это вторжение воображения в зону интеллекта, индивидуальности в страну классов; чем дальше отстоит друг от друга противопоставляемые разряды объектов, тем ярче становится метафора. Для метафоры, таким образом, характерно установление далеких связей, и эти связи случайны в том смысле, что они обусловлены индивидуальным опытом и субъективным сознанием автора. Имея дело с метафорой, мы имеем дело с лингвистическим образом, а он по своей природе наделен ярко выраженной прагматичностью. Именно поэтому важность аде-

* © А.В. Немировская, Красноярский государственный университет, 2006.